

— О нѣтъ, напротивъ того; Селимъ Герай проситъ васъ всѣхъ, великихъ и благородныхъ его родственниковъ, на совѣтъ въ несравненную залу суда. Калга-Султанъ и Нурединъ-Султанъ уже ожидаютъ тамъ...

— Но, Эффенди, кому же оставлю я мою Сайгу?..

— Позволь мнѣ, сказалъ Мурдоулатъ, вставъ съ мѣста.

— Извини! Не могу! У меня на то есть важныя причины...

«Очень простыя!» подумалъ Мурдоулатъ: «боятся, чтобы я не украдъ лошади. Не она, а ты мнѣ нуженъ. А послѣ тебя Сайга и безъ того найдетъ достойнаго хозяина.

— Такъ позволь мнѣ, лучъ солнца! подхватилъ Эффенди.

— И тебѣ нельзя! Гордость моя такъ далеко не простирается, чтобы я обезпокоилъ, презрѣнными поводами, руки, поливающія цвѣты надъ прахомъ нашихъ хановъ. Адиль въ умѣ такъ докончилъ рѣчь свою: «чтобы я отдалъ Сайгу въ руки самаго тонкаго мошенника и сообщника Чатырь-Бея! И сегодняшнее дѣло у нихъ общее. Но кому въ самомъ дѣлѣ отдать Сайгу? Въ нашей землѣ добраго коня труднѣе устеречь, чѣмъ красавицу.

Въ нерѣшимости, кому отдать благородную кобылицу, Адиль шахъ пошелъ по направленію къ главной двери; Сайга шла за нимъ, какъ вѣрная собачка. Забывшись, онъ взошелъ на великолѣпное крыльцо; Сайга постояла, подумала, и пошла за нимъ. Стукъ копытъ о мраморный полъ заставилъ Адиль Шаха опомниться.

— Куда ты, любовь моя, что краше кобылицы пророка?.. О, еслибы любимѣйшая жена моя была такъ привязана ко мнѣ, какъ ты, несравненная Сайга! Ты не хочешь оставить меня, можетъ-быть нѣжное сердце

твое чувствуетъ опасность—и ты не пускаешь меня въ притонъ турецкихъ клеветовъ. Благодарю, Сайга! Я послушаюсь твоего нѣмага совѣта, я не пойду въ залу суда, я...

— Кто посмѣлъ, раздался голосъ съ лѣстницы, — осквернить крыльцо славы Керимъ Герая!..

— Другъ его, Адиль-Шахъ!

— Что я слышу? ты ли, благородный Адиль,— и съ лѣстницы на крыльцо сбѣжалъ Темиръ-ага, Тефердаръ ханскій. — Ты ли, ты ли? повторялъ примѣтно обрадованный Ага...

— Самымъ простымъ и естественнымъ образомъ. Ханскіе вѣстники пріѣзжали на мой дворъ и звали на совѣтъ къ хану.

— На совѣтъ? Гмъ! сомнительно сказалъ Темиръ.— Диванъ начнется еще не скоро. Ногаи еще не пріѣхали и едва ли пріѣдутъ; впрочемъ, намъ дадутъ знать, когда умирающій Селимъ заползетъ за рѣшетку хоровъ въ залъ суда; а пока, мы потолкуемъ у меня внизу, теперь тутъ некому насъ подслушивать... Пойдемъ...

— Но кому же я оставлю мою Сайгу?..

— Постой! кричать нельзя, свистать нельзя, въ ладоши бить нельзя; во всемъ дворцѣ нѣтъ у меня вѣрнаго слуги; всѣ каныхалки, всѣ чиновники... Постой, постой! и Темиръ вышелъ за ворота, кликнулъ дерриша, сказалъ ему нѣсколько словъ на ухо, тотъ три раза повернулся на одной ногѣ, подпрыгнувъ, подбѣжалъ къ Сайгѣ, схватилъ подъ уздцы и увелъ совсѣмъ со двора.

— Куда это они отослали Сайгу?

— Простое дѣло, къ Темиръ-Агѣ на конюшню! спокойно отвѣчалъ Юсуфъ-Эффенди, вынулъ ящикъ изъ кармана и сталъ поправлять кисточкой узоры на своихъ ногтяхъ.

(Продолженіе будетъ).

Гробица А. С. Грибоѣдова, на горѣ св. Давида въ г. Тифлисѣ.

Однимъ изъ замѣчательныхъ мѣстъ и народныхъ духовныхъ сокровищъ христіанскаго Тифлиса, основаннаго въ V вѣкѣ, является мѣстность горы св. Давида, сдѣлавшаяся святынею вскорѣ по провозглашеніи города резиденціею царей грузинскихъ. Гора эта имѣетъ высоту надъ моремъ 2,400, а балконъ церкви 1,940 футовъ.

Преподобный Давидъ, одинъ изъ Сирійскихъ отцевъ, поселился временно на этой горѣ, вдали отъ новаго города, призывая на него благословеніе неба и земли. Таково древнее преданіе, не вошедшее въ составъ жизнеописанія св. Давида, но дополняемое слѣдующимъ разсказомъ преданія же, воспѣваемаго въ пѣсняхъ св. церковью. Еще при жизни св. Давида, одна отшельница, жившая въ монастырѣ на мѣстѣ нынѣшней церкви Кашоэтской, сдѣлалась беременною. Удивленные этимъ, духовные требовали отъ преступницы, чтобы она объявила имъ имя своего соблазителя. Враги св. Давида, огнепоклонники, во множествѣ еще обитавшіе въ Тифлисѣ и вообще въ Грузіи, подкупивъ женщину, внушили ей обвинить св. мужа, грознаго противника ихъ неугасаемымъ огнищамъ. Преподобный вынужденъ былъ предстать предъ народный судъ. Пришедъ къ тому

мѣсту, гдѣ находилась женщина-клеветница, св. Давидъ коснулся чрева беременной женщины и грозно спросилъ: «я ли твой отецъ?» Ребенокъ изъ утробы отвѣчалъ: «нѣтъ, нѣтъ!» При разрѣшеніи отъ бремени, недостойная инокиня родила на мѣстѣ своего обиталища вмѣсто младенца камень. Отъ этого камня образовалось названіе Кашоэти, т. е. рожденіе камня.

Въ память такого событія, христіане считаютъ св. Давида благословляющимъ неплодіе женщинъ, и потому прибѣгаютъ къ молитвенному ходатайству его, дѣлая обѣты частаго посѣщенія, благоговѣйныхъ приношеній, вигилій и т. д.

Гора св. Давида называется грузинскимъ названіемъ Мтациндскою, т. е. Святогорскою; начало этого наименованія относится къ IX вѣку, т. е. ко времени развитія и распространенія обителей Святогорскихъ на Аѳонѣ, гдѣ тогда же устроенъ грузинами монастырь Иверскій.

Еще при жизни св. Давида построена тутъ церковь для богослуженія. Въ IX вѣкѣ явилась другая каменная, посвященная Иверской Божіей Матери, возсозданная въ 1592 году и существовавшая до 1809 года, когда католикосъ Антоній II вновь возвелъ ее на развалинахъ древней.

Въ настоящее время, кромѣ помянутой церкви сооружается новая на площадкѣ, расположенной надъ пещерою гробницы Грибоѣдова. Отъ всего же древняго виднѣн только родникъ въ сердцѣ горы, подъ сводомъ котораго, среди холоднаго вѣянiя въ этой глубинѣ водной пещеры, замѣчается еще священный сумракъ, отрадный въ древнихъ святилищахъ.

Это единственное мѣсто, гдѣ подъ влiяніемъ сладко журчащей воды источника и въ таинственной тишинѣ можно искать вдохновенiя. Отсюда открывается весь видъ живописнаго Тифлиса, видъ рѣки Куры, какъ Меандры у поэтовъ,—

и взоръ, простирающійся по горной лазури Марткопи и Самгоры, едва останавливается обителю св. Антонiя Марткопскаго, въ 18 верстахъ отъ Тифлиса, и гранью горъ Гареднiйскихъ, въ 50 верстахъ; а на сѣверномъ горизонтѣ, среди облаковъ, рисуется снѣговая вершина величественнаго Казбека, въ 150 верстахъ. Такова поэтическая сторона этого мѣста, какъ горнаго оазиса. Такъ понималъ это мѣсто безсмертный поэтъ, любившій посѣщать его и завѣщавшій упокоить его тамъ, если бы пришлось ему окончить поприще земной жизни въ Грузiи. Предчувствiе сбылось. Смерть постигла А. С. Грибоѣдова въ Тегеранѣ, и смертные останки его упокоились подъ сѣнiю св. Давида. Вдова его,

Нина Александровна, урожденная княжна Чавчавадзе, потерявшая супруга очень рано и оставшаяся вѣрною имени безсмертнаго въ лѣтописяхъ русскаго слова, воздвигла памятникъ и сама упокоилась подлѣ гробницы своего мужа, отойдя въ вѣчность 28 iюня 1857 года.

На прилагаемомъ рисункѣ изображена внутренность грота, покрытаго сводомъ изъ алгетскаго камня и имѣющаго арочное отверстие, обдѣланное тесанымъ камнемъ, въ видѣ портика въ персидскомъ стилѣ, что изображено внизу рисунка. Внутри грота видны три гробницы: направо—А. С. Грибоѣдова; посрединѣ—жены его; а съ лѣвой стороны—мраморный памятникъ, постоянно убраннiй гирляндами живыхъ цвѣтовъ, дочери начальника главнаго управленiя намѣстника кавказскаго, статсъ-секретаря барона Николаи.

Памятникъ поэта состоитъ изъ четырехъ-угольнаго

пьедестала чернаго мрамора и на немъ бронзовая фигура плачущей женщины, покрытой чадрую и припавшей къ кресту, символу скорби и утѣшенiя. На пьедесталѣ портретъ усопшаго и подъ нимъ надпись: «Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, родился 1795 года января 4 дня; убитъ въ Тегеранѣ 1829 года, января 30 дня». Съ сѣверной боковой стороны другая надпись: «Незабвенному его Нина», на южной сторонѣ пьедестала: «Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя». Сзади на пьедесталѣ гербъ Грибоѣдова, а у подножiя креста

2 книги и лира въ лавровомъ вѣнкѣ. Памятникъ Нины Александровны Грибоѣдовой состоитъ изъ бронзоваго пьедестала съ такимъ же крестомъ; надпись слѣдующая: «Нина Грибоѣдова, родилась 4 ноября 1812 г., скончалась 25 ноября 1857 года. На памятникѣ дочери барона Николаи надпись: «Нина Николаи, родилась 4 апрѣля 1856 года, скончалась 28 августа 1864 года.

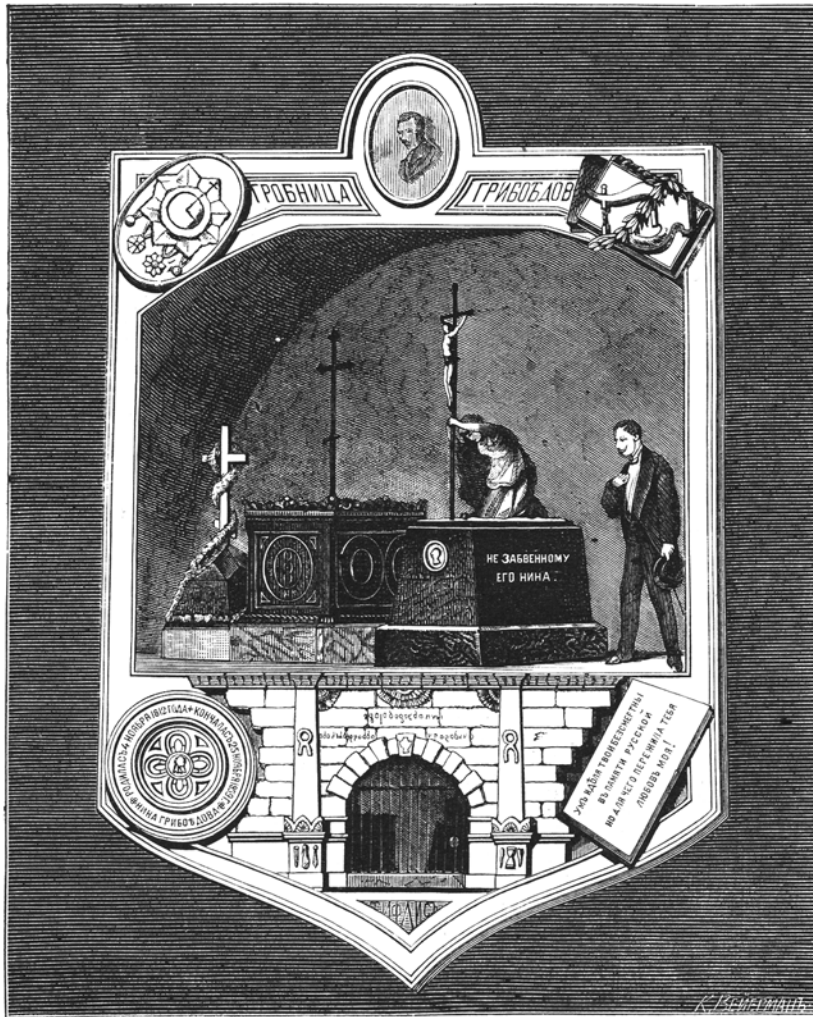
Описанная гробница, дорогая всѣмъ русскимъ, подъ сѣнiю святыни христіанскаго Кавказа, усердно посѣщается поклонниками великаго поэта, о чемъ свидѣлствуетъ множество надписей и спещряющихъ сводъ ея.

Торжественный видъ представляетъ гора св. Давида въ день его празднованiя—въ первый четвергъ послѣ Воз-

несенiя. Извилистая горная тропа, ведущая изъ города къ церкви, покрывается пестрою живописною толпою въ національныхъ и европейскихъ костюмахъ; тутъ встрѣчаются грузины, русскіе, армяне и лица почти всѣхъ европейскихъ націй и различныхъ вѣроисповѣданiй, какъ христіанскихъ, такъ и магометанскихъ, изъ которыхъ многіе, зная подвижническую жизнь св. Давида, чтутъ его память.

Картина окружающей величественной природы обворожительна; Тифлисъ оставилъ свою душную обстановку, свою суетную жизнь, и возносится горѣ,—туда, гдѣ въ прохладной священной сѣни, въ безмолвной тишинѣ, раздаются лишь звуки церковныхъ гимновъ, предъ гробницею великаго поэта.

А. Чижевъ.

Гробница А. С. Грибоѣдова въ Тифлисъ.

Съ наброска архитектора Чинова, гравировалъ К. Вейерманъ.